

Академия жизни академика

Чем дольше живу, тем больше убеждаюсь в том, что человек неотделим от того времени, в котором ему пришлось существовать. И именно начальный период жизни оставляет в нем наиболее значительный след, часто влияет на профессиональный выбор, на формирование жизненного стержня, вокруг которого в дальнейшем лепится личность. Конечно, неординарна эта «скульптурная» работа, и результаты ее подчас бывают неоднозначными. Тут уж у кого какой стержень. Или прочный, позволяющий целеустремленно идти по жизни. Или, что называется, сгибающийся под воздействием даже незначительных обстоятельств.

У лауреата Государственных премий, действительного члена Национальной академии наук Беларуси, доктора технических наук, профессора Евгения Игнатьевича Маруковича этот стержень оказался весьма прочным. Можно сказать, стальным высшей закалки. Может, потому, что вся его профессиональная жизнь связана с литейным делом и поиском методов получения наиболее прочных сплавов.

Понятие характера – из области нравственных категорий. Физического воплощения оно не имеет, хотя иногда характеризуется, как железный, волевой. Конечно, все мы родом из детства, как утверждал Антуан де Сент-Экзюпери. Именно там на благодатную почву упали те зерна, из которых произросли впоследствии характер, образ мышления, как сейчас принято говорить, алгоритм дальнейшей жизни. Семья Маруковичей жила бедно. Сначала в Орше, где и появился на свет Женя, потом в деревне Валерьяны близ городского поселка Узда. И хоть Игнатий Андреевич обладал, казалось, такой доходной профессией, как портной, в трудное послевоенное время не до модных одежд людям было. Да и от деревенского «кутюрье», участника трех войн, тринадцать раз раненого на полях сражений, ожидать широкой трудовой деятельности не приходилось. А из того трудного времени остались у нынешнего академика воспоминания о том, как за полсотни километров ходила пацанва в Минск за хлебом. Выходили в дорогу с таким расчетом, чтобы к раннему утру попасть к

магазину и быть впереди в очереди. А уже с покупкой возвращались на следующий день.

С первого класса Женя был отличником в школе, но лучшим учеником не был. Подводило поведение. За проказы нередко приходилось стоять в углу. Его неумные энергия и подвижность никак не вписывались в рамки правил школьного поведения. Правда, именно эти черты мальчишеской природы привлекли внимание учителя физкультуры Вячеслава Бересневича. Он предложил пятикласснику заниматься в спортивной школе.

– Обычно школьные трудовики и физруки становятся «героями» анекдотов, – вспоминает Евгений Игнатьевич. – Но Вячеслав Викентьевич был совсем другой. Он учил не только технике в спорте, но и часто беседовал о жизни, мог подсказать, как поступить юноше в той или иной ситуации. В общем, в нем счастливо сочетались преподавательские и педагогические способности.

Помимо учебы, подросток вскоре добился немалых спортивных успехов: стал «взрослым» разрядником по легкой атлетике в нескольких дисциплинах, побеждал на районных и областных соревнованиях. И начал задумываться уже о взрослых вещах. В одной с ним школе учились дети руководителей районного ранга, директоров предприятий. И они выглядели совсем иначе: аккуратно и модно одетыми, беззаботными. А Евгений в зимнее время ходил на уроки в сшитых на вате бурках с галошами да фуфайке. Когда же устраивались школьные вечера, то тайком вытаскивал летние не первой свежести туфли и без верхней одежды – благо, недалеко от дома – в любой мороз преодолевал это расстояние. Юноше «статус» не позволял выглядеть чисто по-деревенски: перед девушками было неудобно.

Тогда уже задумываясь о будущем, парень сделал для себя основополагающий вывод: чтобы чего-нибудь достичь в избранной профессии и карьере, надо учиться, всемерно обогащаясь знаниями. В то же время сформулировал и основной принцип, кредо, как сейчас говорят: быть человеком, а зас...цем – всегда успеешь. Несмотря на категоричность и некоторую натуралистичность формулировки, не отступал от нее никогда. Хотя примеров, когда люди

очень скоро переходили из одной ипостаси в другую, повидал в жизни немало.

А в девятом классе случилось для Евгения первое серьезное испытание на прочность принципов, которое в дальнейшем повлияло на всю его жизнь. Известно, что первые юношеские чувства больше отличаются пылкостью, чем прочностью. У него же все оказалось, что называется, по-серьезному. Наверное, потому, что за них пришлось бороться. А влюбился парень в... школьную пионервожатую.

– После окончания школы пришла девушка на эту должность, – с улыбкой и блеском в глазах рассказывает академик. – И как-то довелось ехать с ней и другими

ребятами в грузовике: возвращались с какого-то мероприятия. Обменялись взглядами, потом еще украдкой переглянулись – и будто искра, как говорят, пробежала...

Когда об отношениях ученика и пионервожатой стало известно (хотя, вспоминает Евгений Игнатьевич, единственную смелость, которую он мог позволить, и то не сразу, – это взять девушку за руку), учителя стали «проводить беседы». О теме их, как и цели, нетрудно догадаться: вы – не пара. Вызывали девятиклассника и к директору. Но, выслушав воспитателей, он поступал по-своему: от любви не отрекался.

– Так и иду по жизни с Верой, – двусмысленно заключает он. Некогда пионервожатая Вера Петровна, когда он уже был студентом Белорусского политехнического института (сейчас БНТУ), стала его женой. Родственные души срослись так, что сейчас, когда жена приболела, Евгений Игнатьевич будто сам чувствует ее боль. А когда говорит об этом, глаза покрываются поволокой грусти.

Но студентом технического вуза Марукович стать решил не сразу. Сначала была мечта поступить в летное училище. Стремление по тем временам оригинальностью не отличавшееся: благодаря «летунам» страна шагнула в космос. И кто из парней не мечтал тогда о звездах! Однако в приемной комиссии у спортсмена, никогда не жаловавшегося на здоровье, определили неполадки с сердцем. И с первоначальной мечтой пришлось расстаться. Одновременно поселилась тревога. Ведь раньше симптоматика нездоровья никак не проявлялась.

Опять же помог тренер Бересневич. Через своих знакомых и друзей он организовал обследование своего воспитанника в столичном физкультурном диспансере, у ведущих специалистов спортивной медицины. И те вынесли заключение о том, что у Евгения сердце спортсмена, привыкшее к повышенным нагрузкам, а потому и работающее в таком ритме. А на медкомиссии летного училища этого не учли, посчитав за патологию.

Была и еще одна особенность при выборе вуза для поступления. Марукович, который ощущал все-таки тягу к технике, хотел, чтобы при институте была военная кафедра. Не потому, что стремился стать офицером. Теперь, будучи относительно самостоятельным, он подумывал о создании семьи. И покидать же ее на два года, когда придет время идти на срочную службу, никак не входило в расчеты. По этой причине был «забракован» институт инженеров сельского хозяйства: не было военной кафедры. А БПИ находился поблизости. Поэтому и понес документы в приемную комиссию. Здесь существовала военная кафедра, что входило в планы Евгения, поскольку взаимные чувства с Верой подходили к этапу создания семьи.

Чтобы в приемной комиссии визуально видели, что к ним поступает не только серебряный медалист за учебу, абитуриент на пиджак нацепил все жетоны и медали, завоеванные в спорте. Блеск их не остался незамеченным среди преподавателей, дежуривших на приеме документов. Особый интерес проявил представитель механико-технологического факультета, славившегося спортивными достижениями в институте. А поскольку он был еще и выпускником кафедры литейного производства, то активно стал агитировать Евгения поступать именно туда, обещая помощь и поддержку. В общем, как сейчас принято говорить, развел парня. О чем нынешний академик ничуть не жалеет. И даже подчас удивляется тому, как просто стал металлургом.

Хотя, зная Маруковича, можно безошибочно спрогнозировать, что больших высот он достиг бы и в иных областях науки и практики. Просто человек воспитал в себе чувство высочайшей ответственности и добросовестности в отношении к избранному делу. Эти качества, кстати, превалируют и в дружбе, товариществе, отношении к тем людям, которые в свое время привнесли в его биографию частичку своего умения, душевной теплоты. У него, как в песне: «Друг в беде не бросит, лишнего не спросит...»

С Верой Петровной они поженились, когда Евгений был на третьем курсе, а к моменту получения диплома он уже стал счастливым отцом маленького Александра. Чувствам, испытанным шестилетней дружбой, не совсем доброжелательной людской молвой, недопониманием окружающих, они не изменили никогда. Даже сейчас Евгений Игнатьевич готов ежедневно признаваться жене в любви. И в этом весь Марукович.

Безгранично предан он и литейному делу. Когда в середине учебы в институте перешли к изучению предметов по будущей специальности, будущий академик взял тему первой научной работы у преподавателя Валентина Ароновича Гринберга, как считали студенты, неоспоримого авторитета в литейном производстве. А руководитель тесно сотрудничал с некоторыми учеными из Физико-технического института АН БССР. Поэтому опыты, эксперименты с металлом появилась возможность проводить на академическом оборудовании. Тогда же зародилась и идея создания нового способа литья – намораживанием, которая впоследствии отразилась и в дипломной работе, и в дальнейших многолетних наработках, пока не воплотилась внедрением этого метода в производство, в научное достижение, оцененное Государственной премией Республики Беларусь.

– В связи с присвоением Госпремии, – вспоминает Евгений Игнатьевич, – в беседе журналистка одного из изданий спросила, сколько лет ушло на разработку этого новшества в металлургии. И когда узнала, что теме отдано более сорока лет, была весьма удивлена. Вот такой он, труд ученого.

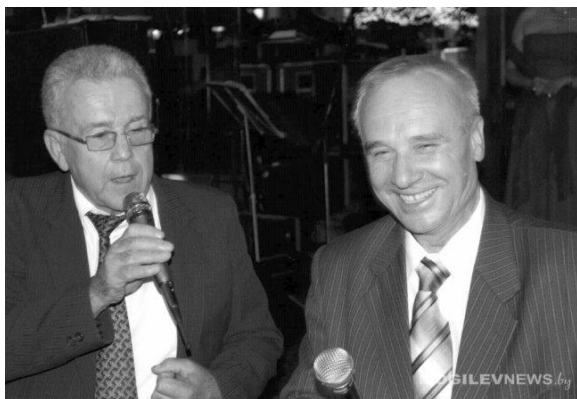
Результативность его, считает Марукович, невозможна без постоянного совершенствования в предмете изучения, без высококвалифицированных учителей,

без кропотливого лабораторного труда. Поэтому сейчас с благодарностью и глубоким уважением вспоминает безоговорочного авторитета в металлургии академика Альберта Иозефовича Вейника, бывшего директора Института технологии металлов академика Геннадия Анатольевича Анисовича. Эти ученые, заметив упорство и стремление молодого металлурга в постижении секретов и новшеств литейного дела, не только поощряли, но и способствовали развитию этих качеств. Очевидно, что не без успеха. Свидетельством тому не только нынешние ученые титулы, звания и премии Маруковича. Одна из нынешних его учениц как основную черту характера своего учителя отмечает «...энергию и способность биться за решение проблемы до конца... Это одно из лучших его качеств».

Но так же, как Москва не сразу строилась, не сразу после студенческой скамьи пришел в науку и дипломированный инженер. С различных сторон и в различных областях индустрии «откусывал» он кусочки нелегкого хлеба специалиста и руководителя, при этом не порывая связей с запавшим в душу на всю жизнь литейным делом, раз и навсегда поняв, что «...в мире нет прекрасней красоты, чем красота горящего металла». И когда в самом начале семидесятых один из его учителей Г.А.Анисович перебирался в Могилев в отделение Физико-технического института Национальной академии, не раздумывая откликнулся на его предложение о совместной работе. И начал с должности старшего инженера. Вот тут-то и вспомнилась тема его институтской дипломной работы, открылись возможности глубокого ее исследования и практического применения. Тем более что впоследствии «физтех» перебрался в столицу, а на его месте остался Институт технологии металлов. На этот период и пришлось заочная учеба в аспирантуре, потом защита кандидатской

диссертации. А «остепененный» старший инженер уже становится старшим научным сотрудником, затем заведующим лабораторией. Но все его карьерные перемещения – это не прыжки по головам других, а результат научно-исследовательской работы, поиски в металлургии новых, прогрессивных методов. Ведь практически через два десятка лет Марукович становится лауреатом Государственной премии БССР, защищает докторскую и получает звание «Заслуженный изобретатель Республики Беларусь». Даже из названия лауреатства и почетного звания можно понять, что пришлось они на период, когда разваливался Союз, когда большинство интеллигенции занималась разговорами, больше подобными, как определил классик, на политическую трескотню, а не на конструктивизм. А он работал. Над методом горизонтального литья, который и сейчас с успехом используется в металлургии, над иными научными проблемами отрасли. И научную работу совмещал с преподавательской, являясь профессором кафедры технологии металлов Могилевского машиностроительного института.

– Считаю примечательным фактом в своей научной биографии, – вспоминает Евгений Игнатьевич, – постоянную связь с А.И.Вейником. Не могу утверждать, то ли по счастливому совпадению, то ли по его личному желанию, но он оказался оппонентом при защите моих диссертаций, как кандидатской, так и докторской. А мнение этого ученого мирового уровня многое значило для каждого идущего в науку. Простой в общении, Альберт Иозефович не терпел компромиссов при оценке научной ценности тех или иных идей. Поэтому его похвала значила многое.

С образованием академического института, которым стал руководить академик Г.А.Анисович, Марукович становится его заместителем по научной работе. И хоть на этой должности пробыл недолго, примерно год, как сейчас признается, она дала многое впоследствии, когда стал руководить институтом сам. Поэтому навсегда остался благодарен второму своему учителю. И когда его не стало, инициировал установление мемориальной доски на здании института.

– Время было такое, что некоторых руководителей в коллективах избирали, – продолжает Марукович. – Поскольку Геннадий Анатольевич ушел работать в Академию наук, встала эта необходимость и у нас. Возможно, в иных отраслях такая демократичность и излишня, но в научной среде, считаю, она обязательна. Здесь руководителем должен быть тот, кто занимает лидирующее положение и в научных исследованиях, имеет устойчивый опыт, зарекомендовал себя как прогрессирующий ученый. Ведь нередко в жизни случается по Губерману: «Кто пламенем зачат, а кто рожден от сырости». А в металлургической науке, как известно, без этого «пламени» не обойтись.

Сейчас, правда, от принципов выборности отошли. Но в некоторых случаях он был бы не лишним.

В то время – а это вторая половина девяностых – уже авторитет Маруковича стал работать на него. Но, что называется, в лучах славы купаться не позволяли ни предстоящие дела, ни институтские заботы. Некогда «всковырнутую» тему литья намораживанием он вернул в качестве одной из приоритетных и взял в соавторство заведующих лабораториями Владимира Бевзу и Александра Бодяко. Насколько плодотворной оказалась работа этой команды, можно судить по тому, что чуть более десятка лет спустя она получила Государственную премию Республики Беларусь. Но главное даже не награда, хоть и высокая. Куда важнее то, что научное обоснование Виктор Кубека. Академия жизни академика

нового метода в литейном деле нашло относительно скорое применение его в производстве. Александр Бодяко создал частное предприятие «Технолит», которое успешно работает, поставляя детали для двигателей, иной номенклатуры как на внутренний, так и на внешний рынки. И в стране нет ни одного машиностроительного предприятия, где бы в их продукции не использовались эти детали.

Более того, метод литья намораживанием придает металлическим заготовкам, а в дальнейшем – и изделиям из них такую степень износостойкости, которой нельзя достичь не только при использовании чугуна, но даже стали. Кстати, научные разработки академика Маруковича тем и отличаются, что подавляющее их большинство нашло практическое применение в производстве.

Но академиком Евгений Игнатьевич стал не сразу. В начальном году нынешнего века его избрали членом-корреспондентом НАН. Перед этим уже была академическая премия за лучшую научную работу, медаль Франциска Скорины (в дальнейшем будут и орден Почета, и другие значимые награды), членство в экспертном совете Высшей аттестационной комиссии (ВАК) республики. Показательно и то, что спустя два года членкор был избран в Президиум академии.

А звание академика Марукович сначала получил в... Украине, когда его избрали в Академию технологических наук этой страны. В элиту же отечественной науки он вошел спустя четыре года.

Но звания званиями, а главным в заботах директора были институтские дела. И не только новые научные разработки, но и международные контакты и контракты. В это время ему пришлось побывать во многих странах. Особенно тесные связи установились с южнокорейцами. Немало наших разработок нашло прописку на тамошних предприятиях. Многие почерпнули у корейцев и наши ученые. Особенно в смысле организации производства. Эти деловые связи значительно активизировали научные изыскания в институте, приносили существенные средства для них. Поэтому сейчас Евгений Игнатьевич не без гордости замечает, что за восемнадцатилетнее его директорство коллектив учреждения шесть раз заносился на Республиканскую доску Почета. Помимо двух Госпремий, его сотрудники получили четыре премии Национальной академии наук, а сам директор престижную в научных кругах премию им. Лыкова в области теплофизики. При этом разработки Института технологии металлов оказали существенное влияние на все отрасли промышленности. Даже «Могилевлифтмаш» производит зубчатые колеса для подъемников по технологии электрошлакового литья, разработанной здешними учеными.

При этом нередко приходилось отстаивать интересы института в самых неожиданных сферах. Чего стоит одна «эпопея» с льготами на аренду. Марукович никак понять не мог, почему академии, как научному учреждению, они предоставляются, а академическому институту нет. Писал, доказывал, ездил, отстаивал. Но, как говорят, зацепились за формальность: мол, институт имеет свой расчетный счет и находится территориально вне академии. Поэтому и льготы не положены. Нонсенс, да и только!

– Вообще подобных несуразниц встречаешь немало, – развивает мысль Евгений Игнатьевич. – Иногда просто завидуешь своим коллегам из заграницы. В Японии, скажем, ученый помимо основной исследовательской и преподавательской деятельности имеет право заниматься бизнесом, открыть свою фирму. Побывав в трех университетах Уэльса, ознакомились с организацией использования лабораторного оборудования там. В основное время оно в распоряжении ученых и студентов, а после – арендуется какой-нибудь фирмой для ее целей. Выгода обоюдная. У нас же по закону ученый не имеет права заниматься коммерческой деятельностью.

...В тот день говорили о многом. О выборах в парламент страны, о том, что больше свободы следует давать малому бизнесу. О престиже ученых. Широкая эрудиция академика, четко продуманные и аргументированные суждения по различным проблемам, его потрясающее чувство юмора не могли наскучить. Вспомнился рассказ одного коллеги об одном из академических застолий, в которых Марукович неизменно выбирался тамадой. Там высокий академический начальник обратился к нему: мол, предлагай наливать следующую рюмку для тоста. На что тамада, не моргнув глазом, ответил: не могу, вы же закрыли разработку темы «Литье». Да и о Губермане в этом рассказе упомянуто не случайно. Евгений Игнатьевич может на любой выпад отреагировать его «гариком». Что называется, по поводу. Сейчас «в связи с возрастом» (хотя возраст ученого измеряется не годами, а способностью к научной работе) академик не руководит институтом, а лишь лабораторией в нем. Но творческого запала не утратил и по-прежнему трудится над проблемами металлургии, замечая, что с некачественной отливки хорошей детали не получить.